

Фан Сынун на мгновение застыл на лестнице. В голове шумело, мысли путались. Так и не поздоровавшись со старшим коллегой, он развернулся и бросился к гостевой спальне. Резко толкнул дверь — и столкнулся нос к носу с человеком, который как раз собирался запереться изнутри.

Взгляды встретились. Сынун почувствовал, как сердце глухо пропустило удар.

Это действительно был Юй Цюся.

Тот тоже опешил. На его лице промелькнуло секундное замешательство; он приоткрыл было рот, собираясь что-то сказать, но Сынун внезапно с силой втолкнул его обратно в комнату и захлокнул за собой дверь.

Сынун едва соображал от захлестнувших эмоций. Остатки здравого смысла подсказывали, что сейчас разразится скандал. Ему меньше всего хотелось портить вечер учителю Ваню и выставять себя на посмеище перед гостями.

Юй Цюся наконец пришел в себя и выпрямился. Он был чуть выше Сынуна, и теперь, когда замешательство прошло, сдвинуть его с места было невозможно. Перехватив запястье Сынуна, упиравшееся ему в плечо, он с силой отвел его руку в сторону. В его движении чувствовалась жесткая готовность выставить незваного гостя вон.

— Что ты творишь? — спросил он глухим, угрожающе низким голосом.

Сынун выпалил, не сдерживаясь:

— Юй Цюся, так вот почему ты со мной расстался?!

Тот помолчал пару секунд, после чего холодно бросил:

— Выйди.

Сынун прикрыл глаза. В полумраке гостевой спальни его голова гудела от невыносимого напряжения.

«Молчание? То есть он не отрицает? Это и есть его ответ? Разгадка, над которой я безуспешно ломал голову два года, оказалась настолько ничтожной?

Неужели всё из-за Хуа Тяньсяо?»

Он понимал, что ведет себя дико, глупо и жалко. Прошло два года, а он до сих пор цепляется

за прошлое, унижительно выпытывая у бывшего любовника причины разрыва. И ведь сразу видно: тот давно живет в свое удовольствие, ни о чем не жалея, пока Сынун изводит себя бессмысленной болью.

Какое убожество.

А разгадка, не дававшая ему покоя столько времени, оказалась еще грязнее.

«Неужели действительно из-за Хуа Тяньсяо?!»

Интуиция подсказывала, что дело в другом, однако Юй Цюся даже не собирался ничего объяснять. Он бесцеремонно схватил Сынуна за руку и потащил к выходу, словно брезгуя тратить на него слова.

Сынун и не подозревал, что его бывший настолько силен. Тот удерживал его одной рукой, словно стальными тисками, а второй уже тянулся к дверной ручке.

Когда дверь приоткрылась, явив тонкую полоску света, у Сынуна окончательно сорвало резьбу. С его губ полетели безрассудные, злые слова:

— Да, мы расстались, и я не имею права лезть! Но совесть-то у вас есть?! Творите за дверями что хотите, мне плевать, но это дом учителя Ваня! Имейте хоть каплю уважения!

Юй Цюся замер на полуслове:

— Что за чушь ты...

Этот мимолетный, почти неощутимый миг промедления перевернул всё. Разумеется, никто из них тогда об этом еще не догадывался.

В следующую секунду дверь резко распахнулась и тут же с грохотом захлопнулась. Сынун, уже приготовившийся к тому, что его бесцеремонно вышвырнут в коридор, почувствовал, как чья-то мощная рука ураганом вжимает его обратно в комнату. Раздался сухой, отчетливый щелчок замка.

— Ну вы даете, парни! Разве можно так орать? Вы что, думали, на этаже никого нет? — раздался в темноте голос Пу Тяньбая. Он вслепую пошарил рукой по стене, пытаясь нащупать выключатель, и самодовольно хмыкнул: — Скажите спасибо, что я вовремя поднялся...

Но пальцы наткнулись на пустоту. Никакого выключателя не было. Более того... не было даже стены.

Потеряв опору, Тяньбай покачнулся, неловко взмахнул руками и едва не растянулся на полу.

Опешив, он огляделся. Кругом стояла крошечная, удушливая тьма — хоть глаз выколи. Не было видно вообще ничего, ни в одной стороне.

— Парни? Вы где? Фан-гэ, Юй-гэ... Хорош шутить, это не смешно...

Он звал их, но ответом ему был лишь мертвый вакуум. Ноги Тяньбая перебирали воздух, он пытался бежать, но собственного тела почти не чувствовал.

Казалось, он завис в бесконечной, бездонной пустоте.

Паника накатила удушливой волной, к горлу подступили слезы, но... он не чувствовал ни собственных глаз, ни лица.

Само его тело словно растворилось в небытии.

Чудовищное, ни на что не похожее ощущение. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного.

«Что со мной происходит? Что случилось?

Где я?!»

Спустя бесконечно долгий миг осязание вернулось. Подошвы ощутили твердую опору. Не удержав равновесия, Тяньбай покачнулся и с размаху сел на землю.

Мрак вокруг начал постепенно рассеиваться, проступали смутные очертания незнакомого места.

И всё же он по-прежнему не понимал, где находится.

Вдруг откуда-то сзади донесся яростный крик:

— Какого черта, Фан Синун?! — Голос Юй Цюся буквально дрожал от бешенства и неприкрытой, пугающей злобы. — Мы расстались! Нахрена ты таскаешься за мной?!

— Синун, ты совсем головой поехал?! Мне и так дерьмово, какого хера тебе от меня надо?!

— Твою же мать!

В бессильной злобе Цюся с силой пнул подвернувшийся под ногу обломок кирпича. Тот со свистом улетел куда-то в темноту.

Кругом действительно валялись камни и мелкий щебень.

Они больше не были в уютной гостевой спальне. Вокруг расстился унылый индустриальный пейзаж — заброшенный пустырь, заваленный строительным мусором, словно после недавнего сноса зданий.

Над головой висело глухое ночное небо, окрашенное смогом и отсветами далекого мегаполиса в грязный, багрово-фиолетовый цвет. Единственным источником света служили полуразрушенные многоэтажки неподалеку, которые выглядели так, словно готовы были рухнуть от любого порыва ветра.

Юй Цюся происходил из респектабельной семьи со строгими правилами и почти никогда не позволял себе опускаться до банальной истерики. Это не означало, что он отличался кротким нравом, — как раз наоборот, обижался он легко и часто. Однако обычно его недовольство выражалось иначе: бархатным, хорошо поставленным голосом он сыпал заумными цитатами из классических пьес, изводя собеседника изысканным сарказмом. Но сейчас от бывшего лоска не осталось и следа.

Впрочем, сейчас даже у безнадежно влюбленного Сынуна не было времени анализировать чужие манеры. В отличие от распластавшегося на земле Тяньбая, он хотя бы сумел удержаться на ногах.

Глядя в искаженное гневом лицо Юй Цюся, стоявшего вплотную к нему, он выдавил лишь один вопрос:

— Где мы?

Ковыляя и спотыкаясь, к ним подбежал Тяньбай.

— Юй-гэ, Юй-гэ, что происходит?! Что это за чертовщина?

Юй Цюся зажмурился, сжав переносицу пальцами, шумно выдохнул и со злостью пнул еще один камень:

— Блядь!

— Ох... — послышался из темноты слабый стон. — Кто там так разорался?

Юй Цюся резко обернулся. В пяти шагах от них на земле лежал кто-то еще. Незнакомец,

потирая ушибленный затылок, со стоном приподнялся. Ярость Цюся мгновенно утихла, сменившись ледяным, зловещим спокойствием.

— А ты еще кто такой? — вкрадчиво спросил он.

— Ты его не знаешь? — удивился Сынун, стоявший у него за спиной.

Цюся покосился на него через плечо:

— А должен?

Сынун не успел вставить и слова, как вперед выскочил Тяньбай:

— Да это же Хуа Тяньсяо!

— Кто? — нахмурился Цюся.

— Ну звезда же! Из поп-группы ХҮХ!

— Я вообще-то уже сольной карьерой занимаюсь! — взвизгнул парень, с трудом поднимаясь на ноги. Его пошатывало, он едва держался. — Так, ладно, хватит шутить. Кто вы такие? Зачем притащили меня сюда? Погодите... режиссер Юй? учитель Фан? А это...

Тяньбай уныло вздохнул:

— Пу Тяньбай я.

— А, привет... Режиссер Юй, это... квест какой-то? Или розыгрыш?

Юй Цюся насупился:

— Какого черта ты делал в той спальне?

— В какой? — растерялся Тяньсяо.

— В гостевой, на втором этаже у учителя Ваня.

— Ой... Да я выпил лишнего, совсем ничего не помню... Простите, туда нельзя было заходить?

Юй Цюся досадливо отмахнулся, снова зажал переносицу и после недолгого тягостного молчания глубоко вздохнул.

Внезапно он резко развернулся к Фан Сыуну. На его обычно безупречном лице проступила злая, почти хищная гримаса:

— То есть ты всерьез решил, будто я бросил тебя ради этого недоразумения?

Сыун уже и сам проклинал свою глупость. Оправдываться было бессмысленно, и он тихо выдавил:

— Прости...

— Маразм, — процедил сквозь зубы Цюся и пошагал прочь. Даже со спины было видно, как он взбешен.

Сыун сделал шаг за ним:

— Юй...

— Заткнись, — не оборачиваясь, отрезал Цюся.

Отойдя шагов на двадцать, он сердито зыркнул через плечо:

— Живее двигайтесь!

Пытаясь разрядить гнетущую обстановку, Тяньсяо нервно усмехнулся:

— Надо же, режиссер Юй в жизни, оказывается, такой... непосредственный.

Тяньбай про себя подумал, что более точным словом было бы «бешеный».

— Он не такой, — покачал головой Сыун, не сводя глаз со спешащего впереди силуэта. — Я не знаю, что на него нашло. Видимо, стряслось что-то по-настоящему серьезное.

Тяньбай только мысленно вздохнул.

«Да уж, "стряслось". Мы черт знает где, а ты его до сих пор выгораживаешь. Тяжелый случай, парень, ты безнадежен».

С момента вспышки гнева прошло минут пять. Юй Цюся стремительно шагал впереди, а троица уныло плелась следом, держась на безопасном отдалении. Когда люди вроде Цюся — обычно мягкие и предупредительные — внезапно теряют самообладание, это пугает сильнее любого крика. Вокруг него словно сгустилось осязаемое грозное облако, и, несмотря на рой вопросов в головах, никто не решался подойти ближе.

Наконец Цюся резко затормозил и недовольно оглянулся:

— Чего вы там плететесь? Ждете, когда вас сожрут?

Троица поспешно нагнала его. Самый нетерпеливый, Тяньбай, засыпал его вопросами:

— Юй-гэ, ну правда, объясни! Что это за место? Как мы тут оказались и что нам теперь делать?

Цюся смерил его ледяным взглядом:

— Ты говорить пришел или слушать?

Тяньбай тут же притих:

— Молчу-молчу, вещай.

Юй Цюся отвернулся, мимоходом мазнув тяжелым взглядом по Сынуну. У того по спине пробежали мурашки — знакомый, почти забытый страх перед гневом любимого человека.

Юй Цюся устремил взор на возвышающуюся впереди серую бетонную коробку.

— Этого места нет на карте реального мира, — негромко произнес он. — Но смерть здесь... самая настоящая.

Сынуун смотрел на его прямую спину. На фоне полуразрушенных, покрытых сажей стен Юй Цюся казался белоснежным лебедем, затерявшимся на дне преисподней. В его тонком силуэте сквозила пронзительная, смертная усталость — так выглядит путник, который слишком долго брел в полном одиночестве через бескрайнюю пустыню.

Это внезапное щемящее чувство накрыло Сынуна с головой. Ему до боли, до крика захотелось подойти и крепко сжать этого человека в объятиях, уберегая от всего мира.